

УДК 811.161.1'23

ФОНОСИМВОЛИЗМ И МОТИВИРОВАННОСТЬ СЛОВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Т.В. Бузанова, Л.В. Владимирова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье обозначается роль фоносемантики в процессе адаптации заимствованной лексики, аббревиатур и собственных имён в русском языке на примере художественных текстов. Рассматривается влияние собственно языковых, а также экстралингвистических факторов на формирование словарного состава русского языка. Кроме того, приводятся необходимые условия для вхождения иноязычных элементов в русский язык и успешного функционирования в нём, а также периферийные признаки, к которым относятся фонетическая и грамматическая ассимиляция слова. Авторами показана фонетическая мотивация в процессе адаптации заимствованной лексики в русском языке. Теоретические положения проиллюстрированы примерами из разновременных художественных текстов. В заключение делаются выводы о связи звучания и значения слова.

Ключевые слова: фоносимволизм, фонетическая мотивированность, реэтимологизация, заимствованная лексика

В словаре любого языка (в том числе и русского) большой процент составляют древние и поздние заимствования. Кроме того, к данной группе можно причислить и имена собственные, происхождение которых неизвестно. Чаще всего, как отмечает Н.В. Крушевский, они удерживаются в нашей памяти только благодаря ассоциации по смежности с обозначаемыми вещами. Поэтому, считает автор, они подвержены бессознательному процессу, известному под именем аналогии и народного словопроизводства [1, с. 65].

На развитие словарного состава, как известно, влияют различные факторы – собственно языковые и экстралингвистические. Одним из таких сложных по своему характеру факторов является так называемая народная этимология, или реэтимологизация. Этот термин – в противоположность деэтимологизации, историческому процессу утраты словом исконной мотивировки, – употребил впервые О.Н. Трубочёв, который считал, что «в поэтическом языке и вообще в приподнятых стилях речи следует считаться с реэтимологизацией, т. е. оживлением этимологических связей» [2, с. 171]. Это явление очень подробно было описано в своё время представителями Казанской лингвистической школы В.А. Богородицким и Н.В. Крушевским. Процесс реэтимологизации, по мнению Э.А. Балалыкиной, более ограничен в языке, чем деэтимологизация, поскольку здесь тесно

переплетены объективные и субъективные факторы, нейтральное и экспрессивно-эмоциональное в слове, общая аналогия и частные сходства [3, с. 154].

Вхождение слова в состав заимствующего языка – довольно сложный и длительный процесс. Понятно стремление каждого народа сохранить свой язык и самобытность. «Едва раздадутся чуждые звуки, как народ, из чувства самосохранения, придаёт уже им, этим непонятым словам, свои краски, свой лад, свою мысль. Все своё!» – писал один из лингвистов XIX в. (см. [4, с. 56–57]).

Считается, что для вхождения слова в заимствующий его язык необходимы некоторые условия, а именно: передача иноязычной единицы фонетическими и грамматическими средствами данного языка, соотнесение слова с грамматическими классами и категориями принимающего языка, фонетическое, грамматическое и семантическое его усвоение и т. п. Но далеко не все из перечисленных признаков считаются необходимыми для вхождения иностранного слова в язык и функционирования в нём. Так, к факультативным отнесены фонетическая и грамматическая ассимиляция иноязычной лексики и её словообразовательная активность. Поэтому возможно существование и активное употребление слов с нехарактерными для русской произносительной системы фонетическими чертами. Такие единицы всегда будут представляться носителю русского языка чужеродными, «явными» заимствованиями, если их можно так назвать. Тогда же как ранние заимствования и слова из общеславянского и восточнославянского фонда в силу длительного существования в языке и полной ассимиляции в нём чаще всего воспринимаются носителями русского языка как исконные.

Ни авторы-этимологи, ни исследователи по вопросам заимствований не придают должного значения такому распространённому явлению, как народная этимология (реэтимологизация). Хотя, как отмечал И.А. Бодуэн де Куртенэ, народная этимология является «одним из способов усваивать иностранные слова» [5, с. 93]. Подобные реэтимологизированные элементы прочно вошли в систему русского языка и вскрываются только в результате историко-этимологического анализа. Таким образом, определяя пути вхождения в русский язык того или иного заимствования, исследователю невозможно обойтись без знания этого важного процесса, коль скоро «народная этимология зиждется на фактах и законе. А факты говорят, что народную этимологию всецело следует отнести к психическим явлениям» [4, с. 56].

Стремление заимствованного слова получить в новом языке мотивационную поддержку, что облегчает его запоминание, а следовательно, и функционирование, вполне понятно. Значение входящей в язык иностранной лексемы не сразу усваивается всеми говорящими, в этом случае опора на звучание становится более заметной. Встречая в речи незнакомое слово, говорящий строит гипотезу о его значении, отталкиваясь в значительной степени от его звучания.

Звучание оказывает заметное влияние на судьбу заимствованного слова. Фонетическая мотивация является для него очень важной, поскольку все другие виды мотивации – морфологическую, лексическую – при переходе из языка в язык слово теряет. Иноязычное слово проходит в заимствующем языке фонетическую обработку, и цель её не только в приспособлении слова к привычному произношению, но и в приведении звучания и значения к гармонии.

В психолингвистике существует особый раздел, посвящённый соотношению в языковом сознании звука и смысла, – фоносемантика. То, что звуки речи, как и слова, несут в себе известную информацию, имеют значение, отметил ещё М.В. Ломоносов в своём «Руководстве к красноречию» (1765). Два параграфа в данном труде он посвятил значению гласных и согласных звуков [6].

В настоящее время эта связь между звучанием и смыслом в русском языке экспериментально доказана и теоретически обоснована отечественными учёными: И.Н. Гореловым, А.П. Журавлёвым, С.В. Ворониным и др. Но ещё до появления научных исследований, связанных со значением звуков, некоторые из поэтов-символистов, например А. Рембо, К. Бальмонт, отмечали, что не только законченное слово, но и все буквы полны глубокого смысла [7, с. 9].

Все языковые элементы, используемые в сфере художественной речи, выразительны, экспрессивны. «Если в научном языке естественно стремление употреблять слово в его максимально точном, ограниченном, технизованном значении, то для художника слова высшим мастерством является, напротив, умение заставить играть слово всеми теми многообразными и тонкими идеосемантическими оттенками и ассоциациями, которые оно с собой несёт из глубины своего прошлого» [2, с. 171]. Так, в произведениях М. Горького сам автор и его герои всегда внимательны к тому, как, какими словами выразить мысль. Они испытывают чувство вражды или симпатии к тому или иному слову, оно будит в них особые ассоциации и представления: *Софрон часто и угрожающе кричал: «Логика!». Платону казалось, что это инструмент, нечто похожее на ложку с длинным черенком, как та, которой отец разливал суп и щёлкал Платона по лбу* (М. Г.).

Подобные же ассоциации вызывает слово «демонстрация» у героини повести Л. Васильевой: *В слове «демонстрация» мне чудилось опасное, огненно-чёрное. В нём были и «Демон», его читала вслух «графиня» Таня, и «наступрия» – она росла под окном нашего дома* (Л. В., с. 143).

Даже слова с отвлечённым значением – в силу своего звучания – способны «нарисовать» реальный образ: *Слово «социализм» вызывало в ней представление чего-то сухо шуршащего, как красная лента, цепляющаяся ворсом за шершавые руки. Эта лента ей снилась. «Империализм» был похож на царя Навуходносора с лубочной картинкой, засиженной мухами, с короной, в мантии, окрашенной мазком кармина...* (А. Т., с. 145).

Исследования в психолингвистике показывают, что не только изолированные звуки, но и слова имеют фонетическое значение: *Она назначала встречу в кафе «На высотах Синая», угощала «угой». Любопытно, что все старухи, не зная иврита, пирог, тем не менее, называли «угой». Вероятно, это слово в их склеротическом воображении ассоциировалось с русским словом «угощение»* (Д. Р.). Совпадение звучания слова *уга* ‘пирожное, пирог’ на иврите (в смихуте *угат*) и русской лексемы *угощение* поддержано также их положительной коннотацией в обоих языках [8].

В языке с трудом приживаются и даже отвергаются его носителями неблагозвучные сочетания в заимствованных лексемах. Например, у Т. Толстой читаем: *Кого влечёт название крема для лица «Калодерма»? А ведь звук божественной эллинской речи. Любителям прекрасного на заметку: в Америке есть средство от насморка «Дристан». Позаимствуем?* (Т. Т.)

Фонетическая мотивация является единственной при усвоении аббревиатур, характеризующих реалии в жизни общества. Особенно показательны в этом смысле 20–30-е годы XX в.: *Она [Катя] боялась некоторых слов, например, «совдеп» казался ей свирепым словом, «ревком» – страшным, как рёв быка, просунувшего кудрявую морду сквозь плетень в сад, где стояла маленькая Катя (было такое происшествие в детстве)* (А. Т., с. 65). Или: *Некоторые вывески соединяли в себе слова совершенно уж невероятные, и, хотя бабушка раскрывала их земной смысл, они так и оставались для меня обозначением каких-то неземных дел: «Райфо», «Райплан», «Районо». Бабушка поясняла, что за мудрёными словами скрываются районные финансы, районный план и районный отдел народного образования, но я слово «рай» воспринимал буквально...* (А.Л., с. 61). В своей книге «Живой как жизнь» К. Чуковский отмечает: «Знаменитому лингвисту академику Л.В. Щербе слово *санпросвет* напоминало *Сан-Франциско*, слово *политрук* – *полить и руки*» (Чук., с. 17).

Этимологии, касающиеся собственных имён, в особенности антропонимов, гораздо реже встречаются в литературе. Очевидно, это связано с семантической одноплановостью данного пласта лексики. Но оживление значения имени сразу резко выделяет его из общего ряда. Оно становится запоминающейся характеристикой. Например, у М. Горького совершенно чётко отношение к герою передаётся посредством «говорящего» имени. Особенно это видно на примере отрицательных персонажей. Критики отмечают, что ни к одному своему герою Горький не относился с такой холодной брезгливостью, с такой ненавистью, как к *Климу Самгину* (цит. по [9, с. 167]). А.В. Луначарский писал: «В этом имени есть **что-то вычурное...** **Клим** звучит сухо, узко, напоминая **клин**» (цит. по [10, с. 79–80]).

У Г. Щербаковой звучание имени *Раиса* вызывает цепь ассоциаций, в том числе и вкусовые: *Её зовут Раиса. Я не люблю это имя. Мне оно невкусно. Оно слипаются гласными, а согласные, супротив закону алфавита, отваливаются друг от друга. Рая же – очень коротко. Не могу понять, почему ни Тая, ни Мая, ни Оля, ни Ада не вызывают во мне мгновенной сжатости во рту, как от кислого яблока. Поэтому я зову её Раечка. И немножко больше, чем нужно, качусь на нежном «е»* (Г. Щ., с. 10).

Зрительный образ способно вызвать не только звучание, но и ритмический строй слова, стечение гласных или согласных в нём:

– *Нецелесообразно, – задумчиво произносит Ваня, глядя на огонь. – Слово какое-то чудное не-це-ле-со-образно, – протягивает он. Будто жирафа. Шея длинная, а туловище кургузое... А есть слово – ого-го... Ляуэр, – произносит он и прислушивается. – Гляди, какое извилистое... – Три извиля, – подтверждаю я. – Механик у нас был – Ляуэр. Спец – цены нету* (Э. Пр., с. 305).

Соответствующее сочетание звуков способно, как оказалось, вызвать представление о динамических возможностях звучащего слова:

– *А у меня начальник отдела кадров – Кананыкин. – Фамилия – будто вприпрыжку. – Ваня подбрасывает в костёр листьев. – И, видать, крючок.* (Э. Пр., с. 305).

Использование звуковых возможностей слова имеет давнюю традицию в русской литературе. Столкновение созвучных слов в одном контексте, свойственное прежде всего каламбуру, обнаружено ещё в памятниках древнерусской литературы, например Молении Даниила Заточника и Посланиях Ивана Грозного к Андрею Курбскому (см. [11, с. 23–24]).

Такую действенную форму остроумия, как каламбур, использовали многие писатели от А.С. Пушкина до наших дней. Но особую значимость он приобретает в творчестве мастеров сатирической и юмористической литературы: Гоголя и Чехова, Салтыкова-Щедрина и Лескова (см. [11, с. 23–24]).

Любопытно также явление, которое заключается в случайном звуковом совпадении русских и иноязычных слов и форм. Каламбурные возможности сближения таких единиц весьма ограничены в силу случайности подобного совпадения. Таким образом соединены в одном контексте заимствованное *пастель* (по словарю Ожегова, это мягкие цветные карандаши для живописи и исполненный ими рисунок¹) и исконное *постель*, которые весьма близки по своему звуковому составу (особенно при мягком варианте [т] в первом слове): *...один парень с моего курса переделал Козьму Пруткову. «Вы любите пастель? – спросили раз ханжу. – Люблю, – он отвечал, – когда я в ней лежу»... (И. Г.)*.

Интересно отметить, что, кроме предметной отнесенности, во многих описаниях присутствует цвет. Представления о звучании и цвете часто связаны между собой. Например, у Наташи Ростовской близкие люди ассоциировались с определёнными цветами, геометрическими фигурами, отдельными предметами: *И очень мил, очень, мил! Только совсем не в моём вкусе – он [о Борисе] узкий такой, как часы столовые... Узкий, знаете, серый, светлый.... Безухов – тот синий, тёмно-синий с красным, и он четвероугольный... Он славный, тёмно-синий с красным (Л. Т., П. 3, XIII, с. 115)*.

Подобная «цветопись» встречается и у современных авторов. Например, в повести Н. Абгарян «Люди, которые всегда со мной» героиня – маленькая девочка – рассказывает о своей странности (она путает цвета с цифрами): *Могу вместо «красный» сказать «пять». Вместо «три» – «жёлтый». Не знаю, как это получается, но путаюсь я часто. Когда Витьке исполнилось восемь лет, я поздравила его с синелетием (Н. Абг.)*.

Связь цвета и звука попытались объяснить психологи. Так, И.Н. Горелов в книге «Основы психолингвистики» ссылается на А.Р. Лурия, по предположению которого психофизиологический механизм такого рода ощущений состоит в том, что нервные импульсы, идущие от наших рецепторов в подкорковой зоне, друг друга индуцируют, так как нейропроводящие пути близко расположены друг от друга [7, с. 14]. Возникающее ощущение было названо термином «синестезия», который активно используется в современной психологии и психолингвистике.

В художественной литературе подобная связь цвета с настроением часто используется разными авторами. Например, у героини Л. Улицкой смятение, потрясение, чувство вины ассоциируется с тёмными цветами: *Потрясённая Эмма Ашотовна, испытывая чувство вины, выстраивала в обратной перспективе*

¹ <http://slovari.299.ru/word.php?id=21835&sl=oj>

две колоннады цифр, кратных тринадцати и девятнадцати, отстранённо отмечала, как они лиловеют и синеют по мере удаления, и нащупывала одновременно золотую ниточку какого-то гениального и сказочного решения, которое смогло бы всё вернуть назад, к месту непостижимой ошибки, и всё бы организовалось мудро, мирно, ко всеобщей радости (Л. Ул.).

Если фонетическое значение заимствованного слова соответствует коннотативному, эта единица оказывается фонетически мотивированной, и тем самым она закрепляется в сознании говорящего. Значение незнакомого слова не сразу усваивается всеми говорящими, и в этом случае опора на звучание становится более заметной. Это подтверждается данными компьютерного анализа, «который показал, что значительная часть лексики по своему звуковому наполнению соответствует понятийному содержанию» [7, с. 17].

Источники

- М. Г. – *Горький М.* О тараканах. – URL: <http://www.magister.msk.ru/library/prose/gorky001.htm>, свободный.
- Л. В. – *Васильева Л.Н.* Книга об отце: Роман-воспоминание. – М.: Сов. писатель, 1984. – 224 с.
- А. Т. – *Толстой А.Н.* Хождение по мукам: Трилогия. – URL: <https://profilib.com/chtenie/67102/aleksey-tolstoy-khozhdenie-po-mukam.php>, свободный.
- Д. Р. – *Рубина Д.* Вот идёт Мессия. – URL: <http://e-libra.ru/read/143362-vot-idet-messiya.html>, свободный.
- Т. Т. – *Толстая Т.* Что в имени тебе моём? – URL: http://rulibs.com/ru_zar/prose_rus_classic/tolstaya/8/j26.html, свободный.
- А. Л. – *Лиханов А.А.* Магазин ненаглядных пособий // Лиханов А.А. Собр. соч.: в 4 т. – Т. 1. – С. 59–73.
- Чук. – *Чуковский К.* Живой как жизнь. – URL: <https://profilib.com/chtenie/16392/korney-chukovskiy-zhivoy-kak-zhizn.php>, свободный.
- Г. Щ. – *Щербакова Г.* Уткосьма, или Моление о Еве. – URL: <https://profilib.com/chtenie/14399/galina-scherbakova-utkومت.php>, свободный.
- Э. Пр. – *Процецкий Э.П.* Потерять и найти. – М.: Современник, 1984. – 317 с.
- И. Г. – *Гофф И.* Юноша с перчаткой (рассказ студентки). – URL: <http://e-libra.ru/read/244356-yunosha-s-perchatkoj-rasskaz-studentki.html>, свободный.
- Л. Т. – *Толстой Л.Н.* Война и мир: в 4 т. – URL: <http://ilibrary.ru/text/11/index.html>, свободный.
- Н. Абг. – *Абгарян Н.* Люди, которые всегда со мной. – URL: <http://testlib.meta.ua/book/262189/read/>, свободный.
- Л. Ул. – *Улицкая Л.* Девочки. – URL: <http://e-libra.ru/read/323155-devochki.html>, свободный.

Литература

1. *Крушевский Н.В.* Очерк науки о языке. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1863. – 148 с.
2. *Трубачёв О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 147–179.
3. *Балалыкина Э.А.* Метаморфозы русского слова. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 264 с.

4. *Савинов М.* Народная этимология на почве языка русского // Рус. филол. вестн. – 1889. – Т. 21. – С. 15–58.
5. *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.
6. *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию. – URL: http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_1765_kratkoe_rukovodsvo_k_krasnorechiu.shtml, свободный.
7. *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
8. *Штамлер.* Словарь русско-иврит русскими буквами. – URL: http://samlib.ru/m/marina_i_s/slovar.shtml, свободный.
9. *Ленюль Г.М.* О М. Горьком – художнике слова. – М.: Сов. писатель, 1957. – 276 с.
10. *Карпенко М.А., Сиротина В.А.* Слово в художественной речи М. Горького. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1968. – 142 с.
11. *Коржева Т.Б.* Язык юмора и сатиры. – Алма-Ата: Мектеп, 1979. – 120 с.

Поступила в редакцию
24.06.16

Бузанова Тамара Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: tabu_52@mail.ru

Владимирова Лариса Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: lvladimi58@mail.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 5, pp. 1384–1391

Phon symbolism and Motivation of Word in Literary Text

T.V. Buzanova^{*}, *L.V. Vladimirova*^{**}

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: ^{*}tabu_52@mail.ru, ^{**}lvladimi58@mail.ru

Received June 24, 2016

Abstract

The paper considers the role of phonosemantics in the process of adaptation of loan words and proper names in the Russian language.

The authors have aimed to trace what factors – proper linguistic and extralinguistic – influence the development of the Russian language vocabulary. Special attention has been paid to the phenomenon of “folk etymology” (“reetymologization”) described at the time by representatives of the Kazan linguistic school.

The conditions necessary for the loan word to assimilate in the target language and to successfully function in it have also been considered. The importance of phonetic motivation for loan words due to the absence of any other types of motivation during the transition from language to language has been emphasized.

The paper focuses on studying of the relativeness of sound and meaning in the language consciousness. Currently, this relativeness has been theoretically substantiated and experimentally proved by both foreign and Russian researchers (N.I. Gorelov, A.P. Zhuravlev, S.V. Voronin, et al.).

In fiction, the idea of sound and color are often closely linked. "Color writing" has been used by various authors. The resulting feeling was named "synesthesia", the term which is also utilized in psycholinguistics.

The theoretical findings of the paper have been confirmed by examples from different literary texts belonging to different epochs, the authors of which create images through phonetic motivation for this or that loan words and proper names. In addition, acronyms characteristic for the language of the 1920 – 1930s have been also investigated, as well as abstract nouns.

The results of the analysis allow concluding that the sound filling corresponds to the conceptual content for most of the studied vocabulary.

Keywords: phonosymbolism, phonetic motivation, reetymologization, loan words

⟨ *Для цитирования:* Бузанова Т.В., Владимирова Л.В. Фоносимволизм и мотивированность слова в художественном тексте // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 5. – С. 1384–1391. ⟩

⟨ *For citation:* Buzanova T.V., Vladimirova L.V. Phonosymbolism and motivation of word in literary text. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 5, pp. 1384–1391. (In Russian) ⟩